

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р35

Дизайн серии Елены Околицкой

Художественное оформление Константина Гусарева

Рей, Юстис.

Р35 Духовка Сильвии Плат / Юстис Рей. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-110711-6

Меня зовут Сид Арго. Мой дом — город Корк, один из самых консервативных и религиозных в штате Пенсильвания. У нас есть своеобразная Библия (ее называют Уставом), открыв которую на первых ста пятидесяти страницах вы увидите свод правил, включающий обязательность молитв, служб и запреты. Запреты на всё. Нельзя громко говорить на улице. Нельзя нарушать комендантский час. Нельзя пропускать религиозные собрания. Нельзя. Нельзя. Нельзя. Ничего нельзя, кроме тайного ощущения собственной ничтожности...

Но в самом конце лета в город приезжает новая семья, и что-то начинает неумолимо, но неизбежно меняться. Мое мировоззрение, мои взгляды... Все подвергается сомнению. Ты, Флоренс Вёрстайл, подвергаешь их сомнению. И почему-то я тебе верю.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рей Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110711-6

«Духовка Сильвии Плат
затянула его — берегись,
иначе она затянет и тебя»

*Если вдруг вы нашли этот блокнот,
то, пожалуйста, не читайте его, потому что это
примерно то же самое, что залезть
ко мне в душу, а я не думаю, что вам
в ней понравится.*

Сид Арго

Штат Пенсильвания — место, где можно в равной степени насладиться всеми временами года: здесь вам солнечное лето и яркая осень, снежная зима и теплая весна. Мой дом — город Корк, находящийся на северо-востоке штата. Население — тысяча сто пятьдесят три человека. Что не так уж и мало, учитывая тот факт, что есть в мире города с куда меньшим количеством жителей. Но не так уж и много, учитывая то, что моя семья знает как минимум треть города, а эта треть — другую треть, и, таким образом, все мы так или иначе знакомы друг с другом.

Не стану отрицать, в жизни маленького города есть свои плюсы. В случае если потеряешь ключи, а на улице дождь или холод, всегда можно постучать практически в любой дом, и тебя приютят на пару часов. Но в то же время в маленьком городе ты никто, становишься таким же маленьким, как и он. Ты не личность, ты — часть команды, потому что всё уже решено за тебя, традиции давно устоялись, и ты обязан им следовать, ка-

кими бы чудовищными они ни казались. Изменить их невозможно. Это примерно то же самое, что пытаться убедить древних людей в том, что земля на самом деле круглая, а не плоский блин, стоящий на черепахе, а черепаха — на слонах, а слоны — на китах...

В общем, к чему это я? Корк — это целое государство, свой мир, если угодно. Мир, который застрял где-то в середине двадцатого века. Интернет доступен редко — можно сказать, что его практически нет. Надобности в мобильных телефонах тоже нет. Неудивительно, такая-то глушь. Единственное, что можно сделать в Корке с новеньким блестящим смартфоном, — так это повесить его на стену рядом с иконой в качестве особой реликвии. До ближайшего населённого пункта, который с натяжкой можно назвать городом, час езды. Мы полностью оторваны от реальности, и нам им это нравится.

Традиции в Корке незбылемы. Они вне времени. Одной из них является церковь, а если быть точнее, утренние воскресные службы.

Я никогда не был фанатичным верующим, точно так же как и атеистом, потому что я не делю мир лишь на чёрное и белое, и что касается религии, то я тоже где-то посередине. Я не верю в церковь: в пожертвования и индульгенции, в молитвы и службы, в священников и монахов. Но мне искренне хочется верить в то, что где-то есть что-то величественнее, духовнее нас, то, что может помочь нам, несмотря ни на что, оставаться людьми, при этом не лишая свободы выбора. Вера — не средство порабощения, не право людей в чёрных простных одеяниях навязать своё мнение. Вера — это свобода. Вера — это надежда. Так я это вижу. Другие — нет...

Мы молимся перед едой. Всегда. И так в нашем городе — по крайней мере, как говорят — делают все. Также у нас принято молиться перед сном, но я и мой брат этого почти никогда не делаем — мы не религиозные фанатики, в крайности не впадаем. Однако посещать воскресные службы всё равно что дышать — необходимость. А иначе на тебя косо посмотрят, а те, на кого косо смотрят, в Корке долго не задерживаются. Либо ты со всеми, либо все против тебя. Третьего не дано.

Церковь Святого Евстафия находится на окраине города, но если учитывать его размеры, то это совсем не далеко от нашего дома: примерно полчаса ходьбы или пять минут на машине. Но на машине по Корку мы практически никогда не передвигаемся, да и вообще какой-либо транспорт, кроме велосипедов, на наших дорогах большая редкость. В основном машинами пользуются либо приезжие, которых у нас ничтожно мало (а попросту говоря, и нет — смотреть у нас не на что), либо перевозчики леса. Основа нашего города — лесозаготавливающая промышленность.

Каждое воскресенье мы встаем ровно в пять. Молимся. Воскресенье — святой день, так что большую часть времени нужно проводить в молитве. Завтракаем. По воскресеньям только каша на воде, черный хлеб и чай без сахара. После надеваем нашу парадную одежду (что означает никаких джинсов и футболок) и отправляемся в церковь. Сейчас лето, конец августа, из-за чего ранние подъемы не кажутся таким уж великим подвигом. Лично мне даже приятно прогуляться ранним утром по улице, не ощущая себя при этом как в банке с вареньем. Однако сегодня не такой день.

Мама заставила меня надеть пиджак и новую рубашку, этикетка которой натирает мне шею. И это не настраивает меня на религиозный лад. Это меня раздражает. И я начинаю ещё больше ненавидеть церковь, службы и всё, что с ними связано, хотя, казалось бы, за столько лет (а хожу я туда с тех пор, как пошёл в первый класс) можно было бы привыкнуть. Но я, как и традиции в нашем городе, непоколебим. То, что мне нравится, я буду любить вопреки всему (что бы ни случилось), то, что я терпеть не могу, буду с трудом выносить до конца жизни. Так я устроен.

Если быть уж совсем откровенным, то достоинств у меня немного. Я обладаю ничем не примечательной внешностью (не считая рыжих волос и веснушек по всему телу): не слишком высок, худощав и бледен настолько, что мог бы сыграть вампира без грима. Однако у меня всё же есть парочка достоинств, одно из них — ненавязчивость: я никого ни к чему не принуждаю (кроме разве что моего брата Питера, но я ответственен за него).

Мама считает, что я просто слишком скромн и довольно чувствителен, а как по мне, то я — вещь в себе, вроде дневника на замке или шкатулки, простой снаружи, но полной сюрпризов внутри. Именно поэтому с виду никто и не скажет, что меня что-то не устраивает. Я терпелив до жути. И это тоже моё преимущество.

Сейчас только полседьмого утра, однако солнце уже начинает припекать всюю. А я ещё к тому же в пиджаке и рубашке. Конечно, мне жарко, но я ведь терпелив. А вот мой брат Питер — нет. Он достаточно взрослый (ему десять), чтобы понимать, почему мы

ходим в церковь, но он слишком мал, чтобы быть терпеливым.

— Я не хочу надевать этот пиджак, — говорит он с самым что ни на есть серьёзным лицом.

— Дорогой, это всего на пару часов, а потом ты его снимешь, — отвечает ему мама, при этом пытаюсь надеть на него этот дурацкий пиджак.

Я молча стою в дверях, снисходительно смотря на эту сцену. Я не участвую в ней, но всё равно получается так, что раз я здесь, то волей-неволей становлюсь свидетелем, а значит, и участником.

— Сид, ну хоть ты ему скажи! — взывает ко мне мать.

Она всегда так делает, потому что знает, что Пит меня послушает, хотя, будь моя воля, я бы выкинул к чёрту оба наших пиджака. Я тяжело вздыхаю и подхожу к брату. Он весь надулся и покраснел. Весной затащить его в церковь было куда проще (тогда не было так жарко), а сейчас это становится проблемой почти мирового масштаба.

Я забираю у мамы пиджак брата и тихонько заговорщицки киваю ей, хотя на самом деле я не на её стороне. Она кивает мне в ответ, конечно, всё понимает, но молчит и уходит наверх помогать отцу с галстуком, который папа всё никак не научится завязывать, а ведь ему уже почти пятьдесят.

— Это отстой, — говорит мне Пит, при этом покорно отводя руки назад так, чтобы мне было удобнее надеть на него пиджак.

— И не говори, — подтверждаю я устало.

Мы оба знаем, как каждый из нас к этому относится, и это делает нас участниками тайного сообщества, в котором всего лишь два человека.